

Ночь. После нескольких ухающих звуков Гэн У отошел от повозки:

— Господин Цяо, позвольте мне встать в дозор, а вы идите отдохните.

— Я днем много спал, не хочется, — Цяо Сяннянь понизил голос и спросил: — Что-то случилось? Ваши люди прибыли?

Гэн У удивленно посмотрел на него, улыбнулся и не стал отрицать.

Вскоре их окружила группа людей в черном. По первым же словам предводителя стало ясно: это те же самые, что приходили вчера вечером.

— Господин Цяо, мой господин положил глаз на ваших Пяти ядовитых насекомых и искренне желает их приобрести. Называйте цену!

— Благородный муж не отнимает у других то, что им дорого. У вашего господина проблемы с порядочностью, — предложил Цяо Сяннянь. — Может, пойдете ко мне на службу? Покинув Яоцзин, я понял, что снаружи слишком опасно, мне остро нужны такие охранники, как вы.

— Господин Цяо, не шутите, — человек в черном поднял руку, и двое его спутников вынесли ящик, поставив его к ногам Цяо Сянняня. — К цене, которую вы называли вчера, мы добавили вот это. Надеюсь, господин останется доволен?

Цяо Сяннянь пнул ящик, и из него ударил ослепительно белый свет, заставив всех зажмуриться.

— Ясно, кругло и чисто, пронизывает насквозь, сияет, словно в хрустальном дворце. Даже о том, что мне нужны жемчужины, разузнали — похвальная предусмотрительность. Вот только не знаю, не убьете ли вы меня, заполучив желаемое, чтобы не оставлять свидетелей, — взгляд Цяо Сянняня похолодел.

Он когда-то опасался, что свечи слишком опасны, и вскользь упомянул старшему принцу, что хотел бы раздобыть пару ночных жемчужин, но из-за их дороговизны разговор не получил продолжения. Прошли сутки, и эти люди узнали о фразе, сказанной им наедине с принцем, хотя в комнате, кроме них, были только доверенные люди его высочества.

— Господин Цяо обладает великим талантом, мой господин приказал относиться к вам с почтением, — усмехнулся человек в черном. — Мы уверены, что вещь в повозке. Если бы мы хотели убить вас и ограбить, к чему было бы тратить столько слов?

Цяо Сяннянь вытащил из ящика с жемчугом амулет долголетия, сунул его в рукав, захлопнул крышку, подошел к повозке и отвязал лошадей.

— Мне нужны три лошади. Раз вы знаете, что вещь в повозке, ищите сами, а нам как раз пора уносить ноги.

— Хорошо, — ответил черный. — Предыдущие люди были несмышлеными и не оставили способа связи. В будущем, если господину что-то понадобится, просто положите камень у ворот, и вас найдут.

Это была угроза. Самая неприкрытая угроза. После всего случившегося дом князя Чжэньбэй и медицинская клиника Шаншань оказались в долгу перед ним. К тому же, этот человек осмелился угрожать ему, зная о его тесной связи со старшим принцем — сила этого клана была немалой. Цяо Сяннень не удержался и спросил:

— Какова цель вашего господина?

— Мой господин ценит таланты и искренне желает подружиться с господином Цяо.

— Боюсь, я не достоин такой чести!

Гэн У проверил лошадей, убедившись, что с ними все в порядке. Цяо Сяннень с его помощью привязал ящик к седлу, вскочил на свою лошадь и, пришпорив ее, вылетел на главную дорогу. Жуань Чжичжэнь, прижимая к себе Цзинь Чэнь, последовал за ним, а Гэн У, ведя в поводу лошадь деревенских жителей, замыкал процессию.

Не успели они отъехать далеко, как позади раздался грохот. Жуань Чжичжэнь натянул поводья и оглянулся: в его расширенных зрачках отражались разлетающиеся искры.

Цзинь Чэнь, обнимая Жуань Чжичжэнь за шею, смотрел назад и видел все отчетливо: те люди, дождавшись их ухода, зажгли факелы и полезли в повозку, после чего она разлетелась на куски и взлетела в воздух.

Гэн У уже развернул коня. Цяо Сяннень подъехал к нему и холодно бросил:

— Передай своим людям: ни одного не выпускать.

— Цзю-цзю... — в мелодичном пении ночной птицы скрывалась смертельная опасность.

Жуань Чжичжэнь пришел в себя, его лицо выражало сложное чувство:

— Господин Цяо понимает, что это значит?

— Раз они так быстро выяснили, что старший господин не взял с собой Пять ядовитых насекомых, значит, в клинике Шаншань не все гладко, — Цяо Сяннень, конечно, понимал. — Здесь четыре стороны: вы, я, дом князя Чжэньбэй и люди в черном. Я лишь хочу выжить и не стану делать подобного, если не прижмет. Остальное зависит от того, как поступят старший господин и дом князя.

— Брат — человек дома князя Чжэньбэй, — внезапно подал голос Цзинь Чэнь.

— Ну и проницательность! — Жуань Чжичжэнь хлопнул его по задку. — Уже знаешь, как грести под себя.

Детский лепет разрядил напряженную атмосферу. Гэн У выдохнул: он боялся, что Цяо Сяннень снова скажет что-то шокирующее. О том, что в клинике Шаншань есть брешь, старший господин, вероятно, догадывался, но когда об этом говорит посторонний — это все равно что получить пощечину.

Их дом князя Чжэньбэй был не лучше. Отправка маленького господина на север была строжайшей тайной, сопровождающие годами жили под видом обычных слуг в других местах, именно ради того, чтобы мальчик мог покинуть столицу. Весь путь они были крайне осторожны, все шло хорошо, но перед самым Аньпином случилась беда. Если вчерашние слова черных были правдой, то целью был именно дом князя Чжэньбэй. Вспомнив о болезненном наследнике в Яоцзине, Гэн У внезапно почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Жуань Чжичжэнь думал о большем. Если люди в черном не тронули его, то причин может быть две: либо они опасались его статуса и не хотели ссориться с клиникой Шаншань, либо кто-то его защищал. А раз они так быстро узнали, что он не взял насекомых, значит, этот защитник занимает в клинике или семье Жуань высокое положение. Дом князя Чжэньбэй веками охранял север, наследник Цзинь Юнья жил на одних лекарствах, второй сын Цзинь Юньтин совершил немало подвигов, но получил лишь титул генерала Юньхуэй — ни император, ни сам дом не собирались передавать ему титул, который должен был достаться Цзинь Чэню. А эти люди хотели сделать так, чтобы мальчик больше никогда не встал на ноги. Если с Цзинь Юньтином что-то случится, войска севера неизбежно попадут в чужие руки. Замыслы этих людей были грандиозны.

Жуань Чжичжэнь посмотрел на Цяо Сянняня. В лунном свете его лица было не разглядеть, но такой умный человек наверняка тоже обо всем догадался. Такое смертоносное оружие, появившись, неизбежно потребует доклада в Яоцзин, и Цяо Сяннянь вряд ли надолго задержится на севере.

Если бы Жуань Чжичжэнь знал, что Цяо Сяннянь в своих размышлениях уже прошел путь от императорской власти и семейных распрей до свержения династии и лозунгов о том, что знатность не передается по наследству, он бы непременно назвал его крамольником. Император Жуйсин был прилежным и человеколюбивым правителем в самом расцвете сил, страна процветала, народ жил в достатке — максимум, что могло быть, это борьба партий. Разве может нормальный человек помышлять о мятеже?

— Топ-топ-топ.

Кто-то стремительно приближался на коне. Всадник был строен, как бамбук, с кожей цвета меди, тонкими чертами лица и холодным взглядом. Его фениксовые глаза холодно скользнули по присутствующим и остановились на Жуань Чжичжэне. Сердце Цяо Сянняня пропустило удар.

Гэн У уже опустился на одно колено и склонил голову:

— Генерал.

Цзинь Юньтин словно не услышал его. Кивнув Жуань Чжичжэню, он обратился к сжавшемуся в его руках Цзинь Чэню:

— Иди сюда.

Цзинь Чэнь высунул голову:

— Дядюшка, я не могу слезть.

Гэн У поднялся и передал мальчика Цзинь Юньтину. Тот принял его и направил коня в горы:

— Старший господин, прошу за мной.

Цяо Сяннянь развернул лошадь, собираясь в Аньпин — на двух лошадях они доберутся к завтрашнему вечеру, но Жуань Чжичжэнь перехватил поводья:

— Сяннянь, поехали с нами.

— Эх, ну что ты за человек, — Цяо Сяннянь дернул поводья, но Жуань Чжичжэнь не отпускал.

Цзинь Юньтин остановил коня и обернулся. Цзинь Чэнь прошептал ему на ухо:

— Брат Цяо умеет заставлять повозки летать.

Значит, это не клиника Шаншань. Цзинь Юньтин посмотрел на Цяо Сянняня. Тот был даже выше его самого и сейчас, нахмурившись, пытался вырвать поводья из рук Жуаня. Он взглянул на Гэн У, и тот понял его без слов.

— Господин Цяо, генерал приглашает вас, — Гэн У придержал лошадь с жемчугом. — Вы спасли нашего маленького господина, дом князя Чжэньбэй еще не успел вас отблагодарить. Нам по пути, не составите ли вы нам компанию?

Цяо Сяннянь бросил взгляд на Цзинь Юньтина, понял, что уйти не получится, и решил следовать за ними с достоинством.

Люди Цзинь Юньтина уже отступили в горы, расчистив площадку. Когда они прибыли, на земле лежали ряды трупов людей в черном. Цяо Сяннянь пересчитал их — их было даже больше, чем он видел раньше.

Пока Цзинь Юньтин и Жуань Чжичжэнь обсуждали важные дела, Цзинь Чэнь сознательно пошел за Цяо Сяннянем.

— Сейчас уже поздно, дети должны рано ложиться и рано вставать, чтобы расти большими, — Цяо Сяннянь перебирал жемчужины, выбрал одну размером с голубиное яйцо, бледно-голубую, и сунул ее Цзинь Чэню, по-богатому заявив: — Держи, играй!

Цзинь Чэнь заметил среди них оранжево-красную жемчужину похожего размера и сказал:

— Я хочу еще красную.

— Ладно, держи, — Цяо Сяннянь протянул ему жемчужину размером с чашу. — Удержишь?

Цзинь Чэнь не взял:

— Я хочу ту маленькую.

— Эту хочешь? — Цяо Сяннянь положил большую обратно в ящик, взял маленькую, но, как только Цзинь Чэнь потянулся за ней, тут же спрятал руку. — Не дам.

— А-а-а-у-у-у! — по лагерю внезапно разнесся душераздирающий детский плач.

— И эту верни, — Цяо Сяннянь вырвал у него из рук бледно-голубую жемчужину. — Совсем избаловался!

Плач оборвался так же внезапно, словно ребенку перехватили горло. Цзинь Чэнь с недоверием смотрел на Цяо Сянняня: этот человек правда отбирает вещи у детей?

— Будешь еще плакать? — спросил Цяо Сяннянь.

Цзинь Чэнь покачал головой.

— Забирай и играй! — Цяо Сяннянь сунул ему в руки оранжево-красную жемчужину с чашу и бледно-голубую, указывая на людей, которые обернулись на крики. — Хочешь еще маленьких — иди проси у них, из этой одной можно нарезать еще несколько штук.

Цзинь Чэнь не ушел:

— Ясно, кругло и чисто, пронизывает насквозь, сияет, словно в хрустальном дворце. Что идет дальше?

— Лишь пятно порока омрачит блеск, и не удержать ее до рассвета в ладонях, — Цяо Сяннянь процитировал окончание, прежде чем осознал, что здесь нет ни эпохи Тан, ни поэтессы Сюэ Тао, ни стихотворения о потере жемчужины. Он поднял голову и посмотрел на Цзинь Чэня: — Откуда ты знаешь, что там есть продолжение?

Цзинь Чэнь выпятил грудь:

— Учитель всегда учит с самого начала.

Видя его самодовольный вид, Цяо Сяннянь потрепал его по голове:

— Это стихи Сюэ Тао о жемчужине, ты запомнил их с первого раза, вот это да!

Цзинь Чэнь промолчал: он знал, что запомнил вовсе не с первого раза — в его прошлой жизни эти стихи станут широко известны через два месяца, и, кроме имени автора, все остальное было точь-в-точь.

<http://bllate.org/book/19132/1878997>